

18+

ОНА РЕСТАВРИРУЕТ ПРОШЛОЕ.
НО НЕ ВСЕ ТАЙНЫ ХОТЯТ БЫТЬ РАСКРЫТЫ.

КРОВЬ
НА
ПОЗОЛОТЕ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

НИЗАМБЕЕВА ГУЛЬНАЗ

Гульназ Низамбеева

Кровь на позолоте

«Издательские решения»

Низамбеева Г.

Кровь на позолоте / Г. Низамбеева — «Издательские решения»,

В мастерской находят тело. Рядом — Ева, с руками в крови и холодным спокойствием. Она утверждает, что невиновна, но её прошлое говорит обратное. К делу подключается бывший следователь Алекс, не верящий ни словам, ни совпадениям. Расследование приводит к старинной иконе, под слоями которой скрыта опасная тайна. Чем глубже они копают, тем яснее: правда может стоить жизни.

© Низамбеева Г.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Трещина	6
Глава 2. Холодный свет	8
Глава 3. Трещины под позолотой	10
Глава 4. Слои	12
Глава 5. То, что под доской	14
Глава 6. Шаги за спиной	16
Глава 7. Чужие стены	18
Глава 8. Цена доверия	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Кровь на позолоте

Гульназ Низамбеева

© Гульназ Низамбеева, 2026

ISBN 978-5-0070-8140-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Трещина

Ева стояла на коленях посреди мастерской, и её руки были в крови.

Она смотрела на свои ладони отстранённо, будто они принадлежали кому-то другому. Это умение отключаться от собственных чувств спасало её ещё с детства. Когда отчим в очередной раз напивался, маленькая Ева уходила в себя — туда, где было тихо и безопасно. Позже это стало её бронёй. И её клеткой.

Теперь, в тридцать два года, она по-прежнему умела думать ясно, даже когда внутри всё кричало. Ден лежал лицом вниз в луже собственной крови. Один точный удар в затылок. Профессионально. Почти без лишних страданий.

Запах железа перебивал привычные ароматы льняного масла, скипидара и старого дерева. За окном шёл холодный октябрьский дождь. Город равнодушно плакал по человеку, который ещё утром казался неприкасаемым.

Ева медленно подняла руки. Кровь уже подсыхала, стягивая кожу.

Она не убивала его. Но знала, что выглядит именно так, будто убила.

Когда в мастерскую вошла полиция, она ответила на первые вопросы спокойно и чётко. Да, они работали вдвоём над «Святой Девой». Да, она отлучалась за кофе. Нет, никого постороннего не видела. Голос не дрожал. Глаза не бегали. Она давно научилась не показывать слабость — после того, как пять лет назад едва не сломалась окончательно из-за человека, которому слишком сильно доверяла.

Дверь снова скрипнула. Вошёл ещё один мужчина — высокий, в тёмном пальто, на плечах которого блестели капли дождя. Он не был в форме. Следовательно бросил на него недовольный взгляд, но ничего не сказал.

Алекс.

Ева слышала это имя от Дена пару недель назад. Бывший следователь по особо важным делам. Человек, который год назад развалил крупное дело, потерял напарника и едва не оказался за решёткой сам. Говорили, что он перешёл на частную практику, потому что больше не мог работать в системе. Говорили разное — от «он опасен» до «он единственный, кто ещё ищет правду».

Алекс остановился в нескольких шагах от тела. Его взгляд медленно прошёлся по комнате: перевёрнутый стул, разбитая лампа, картина на мольберте с тонкой кровавой полосой на лице святой. Потом он посмотрел на Еву.

Взгляд был тяжёлым, холодным и очень внимательным. Без жалости. Без интереса. Только жёсткая оценка.

Ева ответила ему таким же прямым, немигающим взглядом. Она слишком хорошо знала этот тип мужчин — тех, кто привык подозревать всех и каждого. Таких, как следователи, которые когда-то допрашивали её после той давней истории. После того, как она едва не потеряла всё из-за чужой лжи.

— Вы Ева? — спросил он низким, чуть хриплым голосом.

Она кивнула.

Алекс присел на корточки на расстоянии, где ещё не нарушал личное пространство, но достаточно близко, чтобы она чувствовала давление его присутствия.

— Ден звонил мне три дня назад. Просил приехать, если «что-то пойдёт не так». Похоже, оно пошло.

Ева молчала.

— Вы в крови по локоть, стоите рядом с телом, — продолжил он ровным тоном. — Большинство на вашем месте уже рыдали бы или пытались бежать. Вы — нет. Почему?

— Потому что я знаю, как это выглядит, — ответила она тихо, но твёрдо. — И знаю, что слёзы ничего не изменят.

На секунду в его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение. Или просто интерес к головоломке.

— Вы не похожи на человека, который впервые видит труп, — заметил Алекс.

Ева едва заметно вздрогнула. Воспоминание вспыхнуло и погасло: другой кабинет, другая кровь, другие вопросы пять лет назад. Тогда она тоже не плакала. Просто закрылась внутри себя и выживала.

— Я реставрирую старые вещи, — сказала она. — Иногда под слоем краски находишь такое, что лучше было бы не видеть.

Алекс смотрел на неё ещё несколько секунд, затем медленно поднялся.

— Вас сейчас повезут в отдел. Я, скорее всего, тоже там окажусь. Если вы ничего не скрываете — говорите правду сразу. Если скрываете... — он сделал короткую паузу, — то имейте в виду: я всё равно докопаюсь.

Ева подняла на него глаза. Холодные. Усталые. Но без страха.

— Докапывайтесь, — ответила она. — Только будьте осторожны. Иногда под правдой тоже оказывается кровь.

Их взгляды встретились в последний раз. Ни тепла, ни притяжения — только настороженность двух людей, которые слишком много видели в этой жизни и больше никому не доверяют.

За окном продолжал идти дождь.

Глава 2. Холодный свет

полицейский участок встретил Еву привычным казённым холодом. Белые стены, лампы дневного света, которые гудели, как надоедливые насекомые, и запах старого кофе с металлом. Её посадили в допросную комнату, дали влажные салфетки для рук и велели ждать.

Кровь отмывалась плохо. В складках кожи остались тёмные полосы, и каждый раз, когда она сжимала пальцы, ей казалось, что Ден всё ещё здесь — рядом, тёплый и мёртвый одновременно.

Она сидела ровно, спина прямая, взгляд направлен в одну точку на стене. Это тоже было старой привычкой. После той истории пять лет назад — когда её бывший мужчина, известный галерист, подставил её под статью о мошенничестве с картинами, а потом пытался сделать крайней в своём самоубийстве — Ева научилась не показывать эмоции. Следователи тогда крутили её три дня. Она не плакала. Не кричала. Просто закрывалась внутри, как запирают старинный ларец с секретом.

Дверь открылась.

Вошли двое: молодой следователь с усталым лицом и Алекс. Тот остался стоять у стены, скрестив руки на груди. На нём всё ещё было то же тёмное пальто. Он не сел за стол, не пытался играть в «доброго полицейского». Просто наблюдал.

— Ева, давайте ещё раз, — начал следователь, включая диктофон. — Что вы делали в мастерской после двадцати трёх часов?

Она повторила показания почти слово в слово. Голос ровный, без эмоций. Они работали над иконой. Ден хотел закончить реставрацию «Святой Девы» к важному закрытому показу. Она вышла за кофе в круглосуточный магазин за два квартала. Вернулась — он уже лежал на полу.

— У вас были с ним личные отношения? — спросил следователь.

— Нет. Только деловые.

— А почему тогда он звонил Алексу и просил его «на всякий случай»?

Ева впервые посмотрела на Алекса. Тот ответил ей спокойным, тяжёлым взглядом. Никакого сочувствия.

— Не знаю, — ответила она. — Ден иногда перестраховывался. У него было много врагов в арт-мире.

Следователь задал ещё несколько вопросов, потом вышел, оставив их вдвоём. Дверь закрылась с тяжёлым щелчком.

Несколько секунд тишина висела в комнате, густая, как дым.

— Вы хорошо держитесь, — наконец произнёс Алекс. Голос низкий, без эмоций. — Слишком хорошо.

Ева медленно повернула к нему голову.

— А вы ожидали, что я буду рыдать и размазывать тушь?

— Я ожидал хоть каких-то эмоций. Ден был вашим работодателем почти два года. Большинство людей в такой ситуации хотя бы дрожат.

Она опустила взгляд на свои руки. Кожа всё ещё пахла кровью, несмотря на салфетки.

— Я научилась не дрожать, — тихо сказала она. — Пять лет назад меня уже допрашивали. Другой кабинет, другая кровь. Тогда мой... человек решил, что проще сделать меня виноватой, чем самому отвечать за подделки и долги. Он чуть не уничтожил меня. С тех пор я не позволяю себе развалиться при посторонних.

Алекс молчал, изучая её лицо. В его глазах не было жалости — только холодный расчёт человека, который слишком часто видел, как люди лгут.

— А что насчёт вас? — вдруг спросила Ева, поднимая на него глаза. — Говорят, вы тоже сломались. Напарник погиб, дело развалилось, вы ушли из спецслужбы. Теперь работаете только на тех, кто хорошо платит. Это правда?

По его скулам прошла едва заметная тень.

— Правда, — ответил он жёстко. — Только я не «сломался». Я просто перестал верить, что система хочет находить виновных. Она хочет закрывать дела. А я — нет.

Он сделал шаг ближе к столу.

— Ден заплатил мне аванс три дня назад. Сказал, что чувствует слезку. Что кто-то хочет забрать «Святую Деву» любой ценой. И что вы, возможно, в опасности.

Ева впервые по-настоящему удивилась. На секунду её маска дала трещину.

— Он мне ничего такого не говорил...

— Значит, не доверял до конца, — холодно заметил Алекс. — Или защищал вас.

Он наклонился, опёршись руками о край стола. Их лица теперь разделяло меньше метра. Взгляд в взгляд. Ни тепла, ни притяжения — только тяжёлое, почти враждебное напряжение двух людей, которые вынуждены находиться в одной лодке, хотя оба предпочитают плыть в одиночку.

— Я буду копать, Ева. Глубоко. И если выяснится, что вы хоть как-то причастны к смерти Дена...

— То что? — спокойно спросила она. — Убьёте меня?

Алекс выпрямился.

— Нет. Сдам следствию. А потом найду того, кто это сделал на самом деле.

Дверь открылась. Следователь вернулся.

— Вы свободны, — сказал он Еве. — Пока. Но из страны не уезжайте.

Ева медленно встала. Ноги слегка затекли. Она посмотрела на Алекса в последний раз.

— Если будете копать, — произнесла она тихо, — копайте и под самой иконой. Там, где Ден прятал свои настоящие записи. Может, найдёте что-нибудь... кроме крови.

Она вышла, не дожидаясь ответа.

Алекс остался стоять посреди комнаты, глядя ей вслед.

Впервые за долгое время он почувствовал, что дело будет не просто сложным.

Оно будет личным.

Глава 3. Трещины под позолотой

Ева вернулась в свою квартиру глубокой ночью. Дождь не унимался. Он стучал по окнам старого дома в центре, словно хотел пробраться внутрь.

Она не включала верхний свет. Только торшер в углу, тот самый, с тёплым жёлтым абажуром, который когда-то спасал её от темноты. Сейчас он лишь подчёркивал тени.

Ева прошла в ванную, долго отмывала руки. Вода стекала розовая, потом прозрачная. Она смотрела на себя в зеркало и не узнавала женщину, которая оттуда смотрела. Глаза были слишком спокойными. Как у человека, который уже пережил своё самое страшное и теперь просто ждёт следующего удара.

«Пять лет назад ты тоже думала, что хуже быть не может. А потом он подделал твою подпись, а сам повесился, оставив записку, где всё свалил на тебя».

Она закрыла кран. Тишина стала оглушительной.

В комнате Ева подошла к рабочему столу. Там лежали фотографии «Святой Девы», сделанные еще до убийства. Ден всегда был странно одержим этой иконой. Говорил, что она XVIII века, но «с секретом». Ева тогда думала, что он имеет в виду художественную ценность. Теперь она подозревала — секрет был совсем другого рода.

Раздался тихий стук в дверь.

Ева замерла. Она никого не ждала. Часы показывали половину третьего.

Она подошла бесшумно, посмотрела в глазок.

Алекс стоял на лестничной площадке. Мокрый, с поднятым воротником пальто. Лицо каменное.

Она открыла дверь, но цепочку не сняла.

— Как вы узнали, где я живу? — спросила холодно.

— У Дена в телефоне был ваш адрес. И я умею читать закрытые базы, — ответил он без извинений. — Можно войти?

— Нет.

Алекс кивнул, будто ожидал такого ответа.

— Тогда поговорим здесь. Вы сказали в полицейском участке, чтобы я копал под иконой. Что вы имели в виду?

Ева смотрела на него сквозь щель. Капли дождя стекали по его волосам. Он выглядел усталым. И очень опасным.

— Ден в последние недели вёл себя странно, — тихо произнесла она. — Прятал записи. Не в компьютере — на бумаге. Говорил, что цифровой след слишком легко найти. Один раз я увидела, как он засовывает тонкий конверт за раму иконы, между доской и окладом. Сказал, что это «страховка».

Алекс прищурился.

— И вы не спросили, от чего именно он боится себя?

— Спросила. Он ответил: «Чем меньше ты знаешь, тем safer для тебя». А потом улыбнулся, как будто это была шутка. Ден всегда улыбался, когда врал.

Ева помолчала, потом всё-таки сняла цепочку и отступила в сторону, впуская его. Только потому, что на лестнице было холодно, а ей самой нужно было услышать ответы.

Алекс вошёл, но остался стоять у двери, не снимая обуви. Уважение к чужому пространству или просто нежелание задерживаться?

— У меня тоже есть вопросы к вам, — сказала Ева, скрестив руки на груди. — Почему Ден именно вам позвонил? Вы же не в системе уже год. Зачем бывшему следователю, который сам чуть не сел?

Алекс посмотрел на неё тяжело.

— Потому что год назад я закрыл глаза на одно дело. Большое. Коррупция в музейных кругах, подделки, отмывание. Ден был одним из свидетелей. Я не стал его топить, хотя мог. Он остался должен. И, видимо, решил, что я единственный, кто не продаст его сразу.

Ева кивнула. Это звучало правдоподобно.

— Вы верите, что я его не убивала? — спросила она прямо.

Алекс долго молчал, разглядывая её лицо так, будто пытался прочесть поддельный слой краски.

— Пока — верю. Но я не доверяю людям, которые слишком хорошо держатся после того, как нашли труп. Это либо шок. Либо привычка.

— У меня и то, и другое, — спокойно ответила Ева.

Она подошла к окну, отвернувшись от него. Дождь размывал огни города.

— Пять лет назад я чуть не пошла по этапу за чужие грехи. С тех пор я не подпускаю к себе никого ближе, чем на расстояние вытянутой кисти. Ден был... удобным. Хороший заказчик. Никаких эмоций. Только работа.

Алекс сделал шаг ближе, но остановился.

— Завтра я поеду в мастерскую. Следователи уже закончили осмотр. Хотите поехать со мной?

Ева повернулась. Их взгляды снова встретились — холодно, настороженно, почти враждебно.

— Хочу. Потому что если там что-то спрятано, я хочу увидеть это первой.

— Или уничтожить, — добавил он тихо.

Ева едва заметно улыбнулась. Улыбка вышла горькой.

— Если бы я хотела что-то уничтожить, Алекс, я бы уже это сделала. Пока вы ехали ко мне через весь город.

Он смотрел на неё несколько секунд, затем кивнул.

— Тогда в девять утра. Я заеду.

Уже в дверях он остановился.

— И ещё одно, Ева. Если вы всё-таки что-то скрываете... лучше скажите сейчас. Потому что когда я начну копать по-настоящему, будет поздно.

Она ответила ему ровным взглядом.

— Копайте. Только не удивляйтесь, если под первым слоем краски окажется другой. И там тоже будет кровь.

Дверь за ним закрылась.

Ева осталась одна. Она медленно опустилась на стул и впервые за этот вечер позволила себе закрыть глаза.

Внутри всё дрожало. Но снаружи — ни одной трещины.

Глава 4. Слои

Утро пришло серое и тяжёлое. Дождь перешёл в мелкую морось, которая проникала под одежду и в душу. Алекс заехал ровно в девять. Ева уже ждала внизу, в чёрном пальто, с поднятым воротником. Ни улыбки, ни приветствия. Только короткий кивок.

Они ехали в мастерскую молча почти всю дорогу. Только когда машина остановилась у старого особняка в историческом районе, Алекс заглушил мотор и повернулся к ней.

— Перед тем, как войдём, скажите честно. Что именно вы искали в этой иконе вместе с Деном?

Ева смотрела прямо перед собой, на мокрое стекло.

— Я реставратор, а не следователь. Моя задача — укрепить левкас, раскрыть оригинальные слои, убрать поздние поновления. Ден хотел вернуть икону к состоянию XVIII века. Или того, что он выдавал за XVIII век.

Алекс прищурился.

— «Выдавал»? Вы сомневались в подлинности?

Ева повернула голову. Их взгляды скрестились — холодно, жёстко.

— Я всегда сомневаюсь. Иконы — это слоёный пирог. Дерево, паволока, левкас в десять-пятнадцать слоёв, темпера, олифа, иногда позолота. А сверху — века поновлений. Каждый владелец считал своим долгом «улучшить» образ. Иногда под верхним слоем прячется настоящее чудо. Иногда — просто другая, более старая подделка.

— А в этой?

— В этой Ден нервничал. Особенно когда я начала работать с кракелюром. Он не хотел, чтобы я снимала слишком много. Говорил: «Только поверхностную чистку». Но я видела — под олифой что-то было. Не просто краска.

Они вышли из машины. Мастерская всё ещё была опечатана, но Алекс показал какое-то удостоверение охраннику, и тот отступил.

Внутри пахло смертью, хоть тело уже увезли. Кровь на паркете засохла тёмными пятнами. «Святая Дева» стояла на мольберте — спокойная, отстранённая, с той самой тонкой красной полосой на лице, которая теперь казалась пророчеством.

Алекс подошёл ближе. Ева встала рядом, но на расстоянии.

— Покажите, где он прятал бумаги, — сказал он тихо.

Ева осторожно повернула икону. Её движения были точными, профессиональными. Пальцы скользнули за оклад, в узкую щель между доской и металлическим покрытием.

— Здесь. Он засовывал тонкие листы. Я видела однажды.

Алекс наклонился. Их плечи почти соприкоснулись. Напряжение в комнате сгустилось, как перед грозой.

— Вы хорошо знаете строение иконы, — произнёс он, не отводя глаз от рамы. — Левкас, темпера, олифа... Расскажите подробнее. Что может быть спрятано внутри такой доски?

Ева ответила, не глядя на него:

— Много. Микрофотографии показывают, что мастера иногда вставляли между слоями левкаса записки, реликвии, даже маленькие металлические пластины с текстами. Иногда под верхним живописным слоем — более древний образ. Иногда просто пустоты или тайники, вырезанные в дереве. Ден знал это лучше меня.

Алекс выпрямился резко. Его голос стал ниже и жёстче:

— Вы говорите как человек, который уже искал. Не просто реставрировал. Что вы скрываете, Ева? Вы были здесь одна с телом. Руки в крови. А теперь рассказываете мне про тайники так, будто готовились к этому разговору.

Ева повернулась к нему лицом. Глаза горели холодным огнём.

— А вы говорите как человек, который уже решил, что я виновна. Вы приехали сюда не помогать. Вы ищете, на кого свалить. Потому что Ден вам должен был, и теперь долг удобнее всего закрыть на мне.

— Я ищу правду, — отрезал Алекс. — А вы слишком спокойно стоите в комнате, где вчера убили человека, с которым работали два года. Ни слёз. Ни дрожи. Только лекция про реставрацию.

— Потому что я уже проходила это! — голос Евы впервые сорвался, но она тут же взяла себя в руки. — Пять лет назад меня допрашивали три дня подряд. Мой тогдашний... партнёр подделывал иконы и картины. Когда его прижали, он повесился и оставил записку, где всё свалил на меня. Я едва не села. С тех пор я знаю: эмоции — это роскошь, которую я не могу себе позволить. Особенно с такими, как вы.

Алекс смотрел на неё долго. В комнате слышно было только их дыхание и тихий стук дождя по окну.

— Тогда докажите, — сказал он наконец. — Помогите мне снять заднюю доску. Сейчас. Если там что-то есть — я хочу увидеть это вместе с вами. И если вы попытаетесь что-то уничтожить или спрятать...

— То что? — Ева шагнула ближе. Их лица разделяло меньше полуметра. — Арестуете меня? Ударите, как того, кто убил Дена?

Напряжение между ними было почти физическим. Два человека, каждый со своим тяжёлым прошлым, вынужденные стоять на одной стороне, но не верящие друг другу ни на грамм.

— Нет, — ответил Алекс тихо и жёстко. — Я просто перестану вам верить. Совсем. И тогда вы останетесь одна против тех, кто пришёл за этой иконой.

Ева молча взяла со стола тонкий реставрационный нож и протянула ему.

— Тогда начинайте. Только осторожно. Левкас хрупкий. Как и правда под ним.

Глава 5. То, что под доской

Алекс взял нож. Его движения были точными, но осторожными — не реставратор, но человек, который не раз работал с уликами. Ева стояла рядом, контролируя каждый миллиметр.

— Не давите сильно, — тихо предупредила она. — Дерево старое. Если треснет — мы потеряем всё, что там спрятано.

— Я знаю, как работать с хрупкими вещами, — ответил он сухо.

Они перевернули икону лицевой стороной вниз. Алекс начал аккуратно поддевать заднюю доску — крепкую, потемневшую от времени дубовую шпонку. Ева подсвечивала фонариком с телефона, её дыхание было ровным, но пальцы слегка дрожали — первый признак волнения за весь день.

Раздался тихий треск. Доска поддалась.

Внутри, между двумя слоями дерева, лежал тонкий, тщательно сложенный конверт из плотной вощёной бумаги и маленький кожаный мешочек. Ничего больше. Ни золота, ни драгоценностей. Только бумага и что-то твёрдое внутри мешочка.

Алекс посмотрел на Еву.

— Вы это видели раньше?

— Нет, — ответила она честно. — Я только видела, как он засовывал бумаги. Не знала, что ещё что-то есть.

Он осторожно вытащил конверт. Тот был запечатан сургучом с оттиском — старинная печать, которую Ден явно использовал специально. Алекс сломал её.

Внутри лежали три листа, исписанные мелким, почти каллиграфическим почерком Дена, и несколько старых фотографий. На первой — та же «Святая Дева», но без оклада, снятая, судя по всему, в 1980-х. На обороте — надпись: «Не для продажи. Категория: особый контроль».

Ева взяла второй лист. Её глаза быстро пробежали строки.

— Это... отчёт о реставрации, — прошептала она. — Но не нашей. 2017 год. Кто-то уже снимал верхние слои. И нашёл под ними более ранний образ — не XVIII, а, возможно, конец XVI века. Византийское влияние... Но дальше идёт странное.

Она прочитала вслух отрывок:

«Подтверждено наличие скрытого текста под левкасом. Не молитва. Координаты и имена. Если это всплывёт — цепочка от музея до частных коллекций в Европе порвётся. Ева не должна знать до конца».

Ева замолчала. В комнате стало очень тихо.

Алекс взял следующий лист. Его лицо стало жёстче.

— Здесь список. Десять икон. Все «чудотворные» или «утраченные» в разное время. Рядом — суммы в евро и имена покупателей. Некоторые фамилии я знаю. Это не просто чёрный рынок. Это люди из бывшего влиятельного круга.

Он поднял глаза на Еву.

— Ден не просто коллекционировал. Он был посредником. А вы — его главной реставраторшей, которая снимала слои и могла всё увидеть.

Ева отступила на шаг. В её груди что-то сжалось.

— Я реставрировала. Не спрашивала про происхождение. Вы же знаете, как это работает в нашем мире. Задаёшь слишком много вопросов — остаёшься без заказов.

— Или без жизни, — добавил Алекс холодно.

Он открыл кожаный мешочек. Внутри лежал маленький серебряный крестик-мошевик и сложенная вчетверо записка. На бумаге всего одна строка, написанная дрожащей рукой.

«Если я умру — икона должна сгореть. Они убьют за неё.»

Алекс медленно выпрямился. Напряжение между ними стало почти невыносимым.

— Теперь объясните мне, Ева, почему человек, который вам доверял достаточно, чтобы работать два года, написал, что икону нужно сжечь? И почему он не сказал вам ничего, хотя вы каждый день стояли с ней рядом?

Ева смотрела на икону. Лицо Святой Девы теперь казалось ей не спокойным, а обвиняющим.

— Потому что он знал мой характер, — ответила она тихо. — Если бы я узнала, что икона связана с кровью или крадеными реликвиями, я бы отказалась. Или пошла в полицию. А Ден... он всегда говорил, что некоторые тайны лучше оставлять под слоем олифы.

Алекс сложил бумаги обратно в конверт.

— Мы забираем это с собой. Сейчас. Следователи здесь уже всё осмотрели поверхностно, но если они вернутся с новым ордером...

В этот момент внизу, на первом этаже особняка, тихо скрипнула входная дверь.

Они оба замерли.

Алекс мгновенно убрал конверт во внутренний карман пальто. Ева поставила икону на место, как было. Сердце колотилось тяжело, но лицо оставалось спокойным.

— Кто-то пришёл, — прошептал он. — Не полиция. Они бы шумели.

Ева кивнула. Она взяла реставрационный нож и спрятала его в рукав — привычным, почти автоматическим движением.

— Выходим через чёрный ход, — сказала она. — Я знаю этот дом лучше, чем они.

Алекс посмотрел на неё с новым, тяжёлым прищуром.

— Если это из-за вас, Ева... если вы знали больше, чем говорите...

— То вы меня бросите здесь? — закончила она холодно. — Тогда идите первым. Я прикрою.

Они двинулись к задней лестнице. За окном снова начинался дождь.

А тайна, которую они только что раскрыли, уже начинала дышать им в спину.

Глава 6. Шаги за спиной

Они спустились по узкой чёрной лестнице, стараясь не шуметь. Доски предательски скрипели под ногами. Алекс шёл первым, Ева — следом, крепко сжимая в рукаве реставрационный нож. Сердце стучало тяжело и ровно — она снова ушла в то привычное отстранённое состояние, где страх существовал где-то отдельно от неё.

— Сюда, — шепнула она, когда они оказались в длинном коридоре первого этажа. — Через подсобку во двор.

Алекс кивнул. В его руке появился пистолет — чёрный, компактный. Ева заметила, но ничего не сказала. Она давно поняла: этот человек привык жить с оружием ближе, чем с людьми.

Они выскользнули во внутренний двор. Холодная морось мгновенно осела на лицах. Двор был тесным, зажатым между старыми стенами, с единственным выходом в узкий переулок. Алекс прижал Еву к стене, закрывая собой, и прислушался.

Тишина. Потом — тихие, уверенные шаги по лестнице, которую они только что покинули.

— Двое, — одними губами сказал Алекс. — Идут быстро.

Они побежали. Не стремглав, а быстро и расчётливо, прижимаясь к стенам. Переулок вывел их в исторический район. Машина Алекса стояла слишком далеко — возвращаться было нельзя.

— Моя машина в другом конце, — бросил он на ходу. — Уходим пешком.

Ева не спорила. Они свернули в первый же проходной двор, потом ещё один. Дождь усиливался. Капли хлестали по лицу, смешиваясь с потом. Каблуки Евы стучали по мокрому асфальту — слишком громко.

— Снимай их, — резко сказал Алекс.

Она остановилась на секунду, скинула туфли и пошла босиком. Холод пронизывал ступни, но теперь шаг стал почти бесшумным.

За спиной снова слышались шаги. Ближе.

Алекс резко втолкнул Еву в подворотню старого дома, прижал к кирпичной стене и закрыл собой. Их тела почти соприкоснулись. От него пахло дождём, кожей пальто и едва уловимым металлом оружия. Он смотрел не на неё — мимо, в темноту переулка. Глаза были прищурены, как у волка.

— Почему они пришли именно сейчас? — тихо, почти в самое ухо спросил он. — Мы были там меньше часа. Словно знали.

Ева подняла на него взгляд. Их лица разделяли считанные сантиметры.

— Потому что следили. Или за иконой стоит жучок. Или... — она сделала паузу, — потому что кто-то знал, что вы приедете со мной.

Алекс чуть отстранился, чтобы посмотреть ей в глаза.

— Вы всё ещё думаете, что я могу быть с ними?

— А вы всё ещё думаете, что я могла убить Дена, — парировала она холодно. — Мы квиты в недоверии.

Шаги приблизились. Двое мужчин в тёмной одежде прошли мимо входа в подворотню, не заметив их в тени. Один что-то тихо говорил по телефону: «...нет, пока не нашли. Женщина с ним. Продолжаем искать».

Когда звук шагов стих, Алекс не сразу отпустил Еву. Он всё ещё прижимал её к стене, тяжело дыша.

— Тот список, — сказал он низко. — Там были имена очень серьёзных людей. Если Ден был посредником, а икона — ключом к чему-то большему, то вас, Ева, использовали вслепую.

Или вы были идеальным прикрытием. Красивая, талантливая, с травмой в прошлом. Кому придёт в голову, что вы можете знать слишком много?

Ева почувствовала, как внутри поднимается знакомая волна — смесь злости и усталости.

— Вы всё время ищете, как сделать меня виновной. Даже сейчас. Мы только что едва ушли от тех, кто, возможно, убил Дена, а вы продолжаете допрос.

— Потому что я не хочу умереть из-за чужой лжи, — жёстко ответил Алекс. — Я уже терял напарника из-за того, что поверил не тому человеку. Больше не повторю.

Он наконец отступил. Ева почувствовала странную пустоту там, где секунду назад было тепло его тела.

— Куда теперь? — спросила она, поднимая мокрые туфли с земли.

— Ко мне. Квартира чистая, её никто не знает. Там разберём бумаги спокойно. А потом решим, кому можно их показать.

Ева усмехнулась — горько, без радости.

— Вы приглашаете меня к себе? Человек, который мне не доверяет?

— А вы соглашаетесь пойти с человеком, которого подозреваете? — ответил он тем же тоном.

Они снова посмотрели друг на друга. Два сломанных человека, вынужденных держаться вместе, потому что поодиночке их раздавят быстрее.

— Идём, — сказала Ева. — Но если я почувствую, что вы меня подставляете... нож в рукаве останется при мне.

Алекс коротко кивнул.

— Справедливо.

Они вышли из подворотни и растворились в дождливой погоде. За ними никто не шёл. Пока.

Глава 7. Чужие стены

Квартира Алекса оказалась небольшой, строгой и почти безликой. Минимум вещей, тёмные тона, тяжёлые шторы, которые полностью закрывали окна. Ни фотографий, ни лишних предметов. Только книги на полках и запах кофе, который давно въелся в стены. Место человека, который не планирует задерживаться надолго.

Алекс запер дверь на два замка и сразу задёрнул шторы плотнее. Ева стояла посреди комнаты, всё ещё в мокром пальто, и осматривалась. Она не снимала обувь.

— Садитесь, — сказал он. — Я сделаю кофе. Или что-то крепче.

— Кофе, — ответила она коротко.

Пока Алекс возился на кухне, Ева наконец сняла пальто и села за стол. Руки немного дрожали от холода и напряжения. Она положила их на колени, чтобы не было заметно.

Он вернулся с двумя кружками. Поставил одну перед ней и сел напротив. Между ними на столе лежал конверт и кожаный мешочек.

Несколько минут они разбирали бумаги в молчании. Ева читала внимательно, иногда хмурилась. Алекс делал заметки в небольшом блокноте.

— Здесь не просто список покупателей, — наконец произнесла она. — Это целая цепочка. Иконы переходили через несколько рук, каждый раз «очищаясь» через реставрацию. Мою реставрацию, скорее всего. Ден использовал меня, чтобы придать им легальный вид.

Алекс откинулся на стуле, глядя на неё тяжёлым взглядом.

— И вы правда ничего не замечали за два года?

Ева подняла глаза. В них было усталое раздражение.

— Вы опять за своё. Я замечала странности. Но в нашем мире все ведут себя странно. Коллекционеры параноики, посредники скрытные, реставраторы... мы просто работаем с тем, что дают. После той истории пять лет назад я старалась не лезть глубже, чем требовалось. Хотела просто делать свою работу и не думать, откуда приходят очередные «старинные» доски.

— А что именно произошло пять лет назад? — спросил Алекс прямо. — Полную версию. Не ту, что вы рассказывали следователям.

Ева долго молчала, сжимая тёплую кружку. Потом заговорила тихо, но твёрдо:

— Я была влюблена. Глупо и сильно. Он был галеристом, харизматичным, успешным. Говорил, что мы вместе будем спасать старину. А сам организовал целую схему: покупал краденые иконы и картины, я их «реставрировала», то есть приводила в товарный вид, а он продавал как «обнаруженные в частных коллекциях». Когда всё начало рушиться, он подделал документы и мои подписи. А потом повесился, оставив предсмертную записку, где я выглядела главной виновницей. Я потеряла работу, репутацию, едва не потеряла свободу. С тех пор я не подпускаю людей близко. И не верю красивым словам.

Алекс слушал не перебивая. Когда она замолчала, он медленно кивнул.

— Мой напарник погиб из-за меня, — сказал он вдруг. Голос был ровным, но в нём чувствовалась старая боль. — Мы вели дело о коррупции в музейной сфере. Я начал сомневаться в доказательствах. Хотел копать глубже. Он пошёл на встречу с информатором один, потому что я задержался. Его застрелили. А потом оказалось, что информатор работал на тех, кого мы преследовали. Меня обвинили в том, что я сдал его. Дело закрыли, меня выжили из системы. С тех пор я работаю один. Так надёжнее.

Они посмотрели друг на друга через стол. Два человека, каждый из которых был предан и сломан теми, кому когда-то доверял.

— Почему вы рассказали мне это? — тихо спросила Ева.

— Потому что мы сейчас в одной лодке, хочет нам этого или нет. И если я буду продолжать подозревать вас во всём, а вы меня — мы просто не доживём до конца этой истории.

Ева опустила взгляд на бумаги.

— Здесь есть имя, которое повторяется чаще других. Некий «Куратор». Ден упоминал его пару раз. Говорил, что это человек, который может достать всё. Даже то, что считается утраченным навсегда.

Алекс нахмурился.

— И что в мешочке?

Ева осторожно развернула последнюю записку. Кроме фразы про сожжение иконы там были ещё несколько цифр и букв.

— Похоже на шифр, — сказала она. — Или координаты. Нужно время, чтобы разобраться.

В этот момент в тишине квартиры раздался едва слышный звук — тихий металлический щелчок у входной двери.

Алекс мгновенно встал, доставая пистолет. Ева тоже поднялась, сжимая в руке нож.

Они замерли, глядя на дверь.

Кто-то очень тихо и умело пытался открыть замок.

Глава 8. Цена доверия

Алекс резко вскинул руку, приказывая Еве отойти в глубь комнаты. Он бесшумно скользнул к двери, пистолет уже в руке. Металлический щелчок замка стих. Несколько секунд — гнетущая тишина. Потом едва слышные, уверенные шаги начали удаляться вниз по лестнице.

Он медленно опустил оружие, но не убрал его в кобуру. Когда повернулся к Еве, воздух в квартире казался густым и тяжёлым, как перед грозой.

Ева стояла у стола, крепко сжимая реставрационный нож. Костяшки пальцев побелели, дыхание было частым и поверхностным. Сердце колотилось так сильно, что она чувствовала его удары в горле. Ладони вспотели, и нож начал скользить.

— Я больше не могу это терпеть, — произнесла она низким, дрожащим от ярости голосом. — Ты смотришь на меня так, будто я уже призналась. Говори прямо, Алекс. Ты до сих пор считаешь, что это я убила Дена?

Алекс шагнул ближе. Его взгляд был тяжёлым, пронизывающим.

— Я считаю, что ты мастерски скрываешь правду. Два года работать рядом с человеком и не замечать, чем он на самом деле занимается? После всего, что с тобой было пять лет назад? Прости, но я не верю.

Ева сделала шаг навстречу. Теперь между ними оставалось меньше метра. Она чувствовала жар его тела и запах дождя, всё ещё исходивший от пальто.

— Хочешь полную правду? Тогда слушай внимательно. Пять лет назад допросы длились трое суток почти без перерыва. Они использовали классическую тактику «добрый-злой-третий». Один следователь орал, брызгал слюной, стучал кулаком по столу и обещал, что я сгнию в тюрьме. Второй играл в заботливого дядю — приносил чай, говорил «я тебе верю, просто расскажи всё как есть». А третий просто сидел в углу, молча курил и смотрел на меня немигающим взглядом. Этот был страшнее всех.

Ева сглотнула. В горле пересохло, руки мелко задрожали.

— Они не били. Они ломали по-другому. Выключали свет и оставляли меня в полной темноте на несколько часов. Потом внезапно включали яркую лампу прямо в лицо. Показывали фотографии тела моего тогдашнего мужчины в петле и заставляли снова и снова описывать каждую икону, которую я реставрировала. «Почему именно здесь трещина? Почему именно этот слой ты снимала первой?» Каждый раз, когда я запинаясь, они улыбались, словно поймали меня на лжи. Я не спала. Меня тошнило от запаха казённого чая и сигарет. К концу третьих суток я уже не понимала, где реальность, а где их версия событий. Я едва не сломалась. Но повторяла как мантру: «Я не знала». Потому что если бы я показала слабость — они бы меня добились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.